
О РЕЛЯЦИОННОМ ПОДХОДЕ В ТРАДИЦИОННОЙ НАУКЕ КИТАЯ

Л.П. Волкова

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

В статье рассматривается связь работ В.Е. Еремеева с метафизическими проблемами как в науке, так и в развитии человеческой цивилизации. Подчеркивается значимость этих работ в понимании традиционной науки Китая, в оценке ее основных достижений. Выделяется особое значение принципа тринитарности. Анализируются и сопоставляются с идеями и выводами В.Е. Еремеева результаты исследований этих проблем, прежде всего, в метафизике Ю.С. Владимировым, а также другими учеными. Отмечается их согласованность в основополагающих взглядах на положительную направленность эволюционного развития человеческой цивилизации. Высказывается связь этих идей с ранее высказанной метафизической гипотезой преобразования Ноосферы в Пространство Сверхсознания Человечества.

Ключевые слова: реляционный подход, процесс, тринитарность, триграммы, метафизика, процессуальность, парадигма, ноосфера, информация, традиционная наука Китая, символ, сознание.

Введение

Продолжая разговор о реляционном подходе в метафизике, приходится пересматривать как свои предыдущие работы на эту тему, так и основополагающие работы известных ученых с точки зрения обновленных в своем развитии собственных представлений. И тут непосредственно сталкиваешься с реальным примером самоорганизации информации в собственной памяти. Да, многие работы, в том числе и свои собственные, начинаешь видеть уже в ином свете с позиции вновь открывшихся знаний. Что касается темы данной статьи, то это пересмотр в новом аспекте когда-то поразившей своей новизной информации, вернее, еще только одно прикосновение к тому огромному пласту знаний, который представляет традиционная наука Китая, через линзу подробных исследований этого пласта В.В. Еремеевым¹.

1. Из истории традиционной науки Китая

В работах В.Е. Еремеева подробно представлены периоды истории развития традиционной науки Китая [1; 3; 4]. Причем интересен сам методологический подход, высказанный автором этого подхода идеи: «Сущест-

---

¹ Памяти известного синолога Владимира Евстигнеевича Еремеева, который ушел от нас в 2011 г. в возрасте всего лишь 58 лет, посвящена статья А.И. Кобзева в журнале «Метафизика» за 2012 год.

ствуется два понимания науки: антропологическое и позитивистское... Историки науки, следующие позитивистскому направлению, исследуют феномены предвосхищения современного знания. Научковеды-антропологи направляют свои усилия на реконструкцию научных систем древности, рассматриваемых как этапы становления человека, как формы существования культуры. В методологии данного учебного пособия заложена идея объединить эти две тенденции...» [1. С. 6].

Как установлено исследователями, современная европейская культура во многом обязана Востоку, и в частности, китайской культуре. Причем, как отмечается в [1], сами китайцы долгое время не знали о своем первенстве в отдельных научно-технических областях, увлекаясь достижениями Запада. Только в середине двадцатого столетия в Китае перешли к изучению собственной научной традиции, отдавая ей дань превосходства над западной наукой. Причем интересно отметить своеобразие китайской научной мысли. Именно то многое, что считалось псевдонаучным (например, алхимия, астрология, арифмосемиотика), оказалось значимым в современном междисциплинарном подходе к истории науки и культуры. Например, фрагмент из работы [1. С. 42] говорит сам за себя: «Важнейшей категорией арифмосемиотики является категория изменчивости, перемен (*и*), посредством которой описываются чередования активного и пассивного начал – *инь* и *ян* – “двух образцов” (*лян и*). Исконные значения этих иероглифов – “тенивая” и “световая” стороны горы – послужили основой для их гносеологического толкования: *инь* – это то, что “скрыто” или менее проявлено, *ян* – это то, что “явно” или более проявлено. В онтологическом смысле эта пара обозначает некие пассивный и активный первичные принципы или силы, в соответствии с которыми распределились остальные мировые полярности: тьма – свет, холод – тепло, малое – большое, внутреннее – внешнее, мягкое – твердое, слабое – сильное, женское – мужское и т. д. Этот ряд в принципе можно продолжать до бесконечности, поскольку любое явление имеет в себе противоположные стороны, которые, по древнекитайским представлениям, сводятся к началам *инь* и *ян* как однородные (*тун лэй*) им явления, взаимодействующие между собой по принципу резонанса – *гань-ин*».

Особенно ценным в этом фрагменте, как нам представляется, можно считать упоминание принципа резонанса. Именно резонанс характеризует правильные ритмы живых существ и живой Вселенной. Из многочисленных работ, посвященных формулировке живого и жизни, на наш взгляд, основным является следующее: **жизнь – это состояние неустойчивого равновесия**. Выражение, которое, на первый взгляд, повторяет известный афоризм: «жизнь – это движение». Но на самом деле мы имеем совершенно новое направление, выход на которое возможен только через преобразование человеческого сознания. Если мы изменим эту формулировку на противоположную: **жизнь – это состояние устойчивого неравновесия**, то смысл останется тем же – изменчивость, движение.

2. О параллелях с реляционным подходом в метафизике

Наверное, именно необходимость обсуждения в рамках реляционной парадигмы метафизических принципов как основы естественнонаучного мировоззрения обуславливает и тему данной статьи. Это явилось и темой доклада автора данной статьи на Второй Российской конференции по основаниям физики и математики 2018 года. Когда возникает вопрос о главной основополагающей идее реляционной парадигмы, то всегда возвращаешься к третьей книге из цикла «Метафизика и фундаментальная физика» (автор Владимиров Ю.С.) [2. С. 165], где обосновывается реальность и значимость метафизического принципа процессуальности. Кроме этого принципа в книгах Ю.С. Владимирова по метафизике, в рамках реляционной парадигмы, всегда упоминается принцип Маха, который подчеркивает факт существования взаимосвязи всех процессов в мире. Эти главные признаки реляционного подхода можно найти и в традиционной науке Китая, подробно изученной и анализируемой в замечательных работах В.Е. Еремеева [1; 3; 4; 10].

Как уже отмечалось в наших предыдущих работах [5; 6], появление новых для человечества идей в подготовленном к этому сознании конкретного человека связано с процессом преобразования ноосферы или сознания человечества, процессом, который постоянно идет в мире. Поэтому именно на определенном этапе развития общечеловеческого сознания стало возможным осмыслить в новом аспекте науку Древнего Китая, увидеть ее в свете новой метафизической парадигмы. Интересно то, что, рассматривая в качестве необходимых математических основ теорию физических структур (ТФС), предложенную Ю.И. Кулаковым, Ю.С. Владимиров указывает и на некоторые несовпадения при развитии на ее основе бинарной геометрофизики. Как уже подчеркивалось в [5], главная причина, которая заставила его в свое время обратиться к метафизике, состоит в том, что «пришлось отказаться от статической интерпретации бинарных структур как женского и мужского начал или как отображения восточных символов Инь и Ян», которая была принята в работах Ю.И. Кулакова. В бинарной геометрофизике два множества элементов трактуются именно как состояния системы в начальной и конечной стадиях. А это уже динамический подход, так как при таком понимании бинарная система отношений используется для описания процесса перехода системы из одного состояния в другое, что «роднит ее с метафизическим принципом процессуальности».

3. О реляционном подходе в традиционной науке Китая

Итак, обращаясь к работам В.Е. Еремеева, следует, прежде всего, отметить, что модель мира, которая сформировалась у китайцев, «имеет характеристики, во многих отношениях противоположные европейскому взгляду на мир». В своей работе [1] автор подчеркивает это отличие «следующим набором категорий: эволюционизм, организмизм, антропокосмоло-

гизм, континуализм, фрактальность, релятивизм, процессуализм, коррелятивизм». И уже здесь, в этом кратком перечислении категорий, мы видим все пересечения с реляционным подходом в попытке объяснить окружающий мир, причем в современных аспектах.

Как полагает Еремеев, космос древнекитайскими мыслителями рассматривался «как развивающийся естественным образом, самоорганизующийся из некоего первичного начала», что отличало их мыслительную модель не только от древнегреческой модели мира, но и от креационистской модели, которая утвердилась «с приходом христианства в Европе». Следующим важнейшим принципом, провозглашаемым традиционной наукой Китая уже через призму исследований в рамках синологии, является то, что «Вселенная мыслилась китайскими мыслителями как живой организм», органы которого взаимосвязаны. Можно противопоставить такой подход «механистической модели, развиваемой в Европе», в которой «механический мир, хотя внешне и может быть принят за живое существо, состоит не из органов, а из безжизненных деталей, которые существуют сами по себе» [1. С. 39]. Причем «человек в китайской картине мира рассматривался как равноправная с другими часть космоса, возникающая на определенной стадии космической эволюции», а сама картина мира была континуальной, «что противопоставимо дискретному видению мира» у «греческих атомистов», представителей индийской и буддийских школ. Это утверждение следует из того, что «пневма-ци, составляющая субстратную основу китайского космоса, – непрерывна и однородна». Удивительной в китайской мыслительной модели мира является также ее фрактальность, поскольку «структура живого мира-организма мыслилась китайцами как фрактальная». Вместе с тем если в европейской науке понятие фрактальности рассматривается «в применении к геометрическим структурам», то китайцы «делали акцент на структурах времени, выделяя в нем различные фрактальные ритмы» [Там же. С. 40].

Еще одно свойство китайской мыслительной модели мира, в основу которого положен принцип подобия, назван в рассматриваемой здесь работе В.Е. Еремеева коррелятивизмом. Это связано с тем, что в китайской модели «детерминизм рассматривается не по схеме причина-следствие, развертывающейся во времени и в пространстве, а как вневременной и внепространственный резонанс». Но, конечно, главное, что роднит эту модель с одноименной парадигмой в метафизике, это ее релятивизм. Все это потому, что «категории “отношение” и “связь” были более значимы для китайской мысли, чем категории “тело” и “индивид”» [Там же. С. 41]. Кроме того, «исходя из убеждения, что не существует никаких абсолютно автономных сущностей, а есть только сгустки космических сил, древнекитайские мудрецы полагали, что познанию подлежат лишь взаимодействия между временно образованными центрами этих сгущений». И поэтому наиболее важен отмечаемый в данной работе процессуализм, свойственный китайской модели мира. Если субстанциональная модель мира предполагала наличие «за изменя-

яющимися явлениями некоей неизменной основы», то «мир для древнего китайца – безостановочный процесс перемен», который отражен в «Книге перемен», исследуемой в трудах В.Е. Еремеева [3; 4].

Что касается методологии традиционной науки Китая, то она строится, как полагает В.Е. Еремеев, на основе коррелятивного принципа, который предполагает и «учение о символах и числах». О связи некоторых понятий в китайской и европейской методологиях науки у В.Е. Еремеева сказано следующее: «Некоторым подобием китайского «учения о символах и числах» в Европе было пифагорейское учение с его «мистикой чисел». Появившись в VI в. до н.э., пифагореизм оказал огромное влияние на раннее развитие древнегреческой науки и философии, выступая в качестве общепознавательной методологии. Однако со временем эту функцию перехватила аристотелевская логика. Напротив, в Китае рудиментарная логика моистов не получила развития и не смогла занять место «учения о символах и числах» [1. С. 41]. В этой своей работе В.Е. Еремеев отмечает заслуги других синологов в исследовании «учения о символах и числах». В частности, начало в изучении «общепознавательной методологии в традиционной китайской системе знания», как он пишет, было положено выдающимся французским синологом М. Гранэ, который «первым заговорил о коррелятивности китайского мышления». При дальнейшем изучении этой проблемы английский ученый Дж. Нидэм «учение о символах и числах» называет «нумерологией», подчеркивая его ненаучный характер, считая, что это «всего лишь числовой мистицизм, игра с числами, псевдонаука, в которой связываются вещи, не имеющие друг с другом никакой связи». Тем не менее, Дж. Нидэм признавал «в коррелятивном мышлении древних китайцев предвосхищение органической науки будущего». Более последовательным в признании научного статуса традиционных китайских дисциплин, в том числе и органически связанного с ними «учения о символах и числах», был американский синолог Н. Сивин. Как отмечает Еремеев, ««реабилитация» этого учения проводилась и другими исследователями», в том числе и российскими китаеведами. Кроме того, «была показана мироописательная эффективность многих его построений». При этом существенную роль играла неоднозначность в терминологии.

В работе [3] отмечено, что среди российских исследователей наиболее активно занимались проблемами «учения о символах и числах» В.С. Спирин, А.М. Карапетьянц и А.И. Кобзев. Причем А.И. Кобзев «полагает, что «учение о символах и числах» можно назвать семантической калькой «симвоаритмология», однако предпочитает использовать устоявшийся и, как ему кажется, семантически прозрачный термин «нумерология». В отличие от него В.С. Спирин «в термине «нумерология» видит намек на «бессмысленную или мистическую игру в числа», что для него неприемлемо, и считает, что лучше говорить об учении на основе принципа «образности-численности» (сян шу)».

Особый интерес, как нам представляется, вызывает мысль древнекитайских мудрецов о том, что «числа являются одной из важнейших характеристик бытия, элементами некоего космического кода, с помощью которого структурируется и описывается мир. Числам придавалось особое значение. Как здесь отмечается, именно в числе «выражается структурная целостность вещей», «числа делают вещи познаваемыми». Квинтэссенцией, на наш взгляд, является следующая мысль, отмеченная в работе В.Е. Еремеева: «Число находится в самих вещах, задавая их структуру, и во временных процессах, задавая их ритм. В то же время число предстает как некая творческая сила, приводящая к расчленению всякой непрерывности» [3. С. 9]. Это перекликается с работами А.А. Денисова, которые анализировались нами в [6] и о которых там сказано следующее: «Отмечая, что “поскольку материя существует в пространстве, она тем самым всегда имеет структуру”, он подчеркивает, что «именно структура как распределение материи в пространстве характеризуется количественно и является *информацией в себе*».

Еще более поразительна китайская теория эмоций, когда говорится о природе человека в древнекитайских учениях о психических явлениях, которые «строились на основе организмических представлений, возникших в родовом обществе» [3. С. 218]. Причем человеческое существо рассматривалось китайцами «как часть космоса, как организм в организме». Интересно, что здесь опять идет речь о резонансе внутренних состояний человека с внешним миром, поскольку «определенные психические явления резонируют с тем, что происходит на соответствующих планах мироздания».

Как отмечается в этой работе В.Е. Еремеева, «психическая составляющая человека выражалась в Древнем Китае в понятии синь – “сердце”... сердце – один из органов в целостном организме, которым соответствуют те или иные психические корреляты... только наиболее важный из них, в нем, как в “сердцевине” организма, сосредоточена результирующая психических взаимодействий, определяющая их общую направленность и структуру». Кроме того, здесь автор говорит о классификации эмоций, о том, что между «древнекитайскими теориями эмоций и взаимоотношениями добродетелей и пороков нет большой дистанции. Обе строились на идее баланса и связывались с арифмосемиотической символикой».

Особый интерес представляет подход В.Е. Еремеева к описанию психической сферы человека как «некой самоорганизующейся системы, связанной с подобными ей по структуре сенсорными и исполнительными механизмами». Можно характеризовать этот подход как алгоритмический анализ действия, причем с точной постановкой цели. Об этом можно судить из следующего фрагмента: «Самоорганизующаяся система является таковой в том случае, когда на воздействие внешней среды она реагирует не пассивно, а активно, то есть за счет перестройки внутренней структуры система может осуществлять целенаправленные действия во внешней среде, ведущие к тем или иным ее изменениям [3. С. 239]. Эту самоорганизующуюся систему Еремеев рассматривает как состоящую из двух блоков, причем «один из них

является управляющим, а другой – реализующим команды управления». Основываясь на анализе китайских триграмм, он связывает эти блоки с «современным» и «космогоническим» порядками. Далее, развивая свою аналогию, Еремеев видит эту «самоорганизующуюся систему» уже «самообучающейся или, иначе, самопрограммируемой», делая вывод, что в этом случае необходимо, «чтобы и управляющим блоком что-то управляло». Но тут же отказывается от такого решения, «поскольку высший блок все равно останется с фиксированными алгоритмами функционирования», усматривает другой вариант, когда «два блока, составляющих целостную подсистему управления, следует замкнуть самих на себя». В последнем случае будет «осуществляться интерактивный режим», поскольку «функция управления будет попеременно переходить от одного блока к другому». И этим еще раз подчеркивается динамичность традиционной науки Китая, которую четко воспринял В.Е. Еремеев.

В другой своей работе [4] Еремеев уже четко говорит о структуре психики в трактовке древнекитайских ученых. Основываясь уже не только на анализе серий триграмм, или «выделенных порядков триграмм», он уже делает акцент на психологических процессах. При этом им рассматривается «принцип классификации эмоционально-чувственных проявлений», на основе которого анализируется некий текст из конфуцианского канона: «Когда не проявляются добродушие, гнев, печаль и радость – это называется серединой (чжун), когда они проявляются, но имеют правильную меру – это называется гармонией (хэ). Середина – это великий корень Поднебесной, а гармония – всепроникающий путь (дао) Поднебесной» [4. С. 70]. При анализе текста Еремеев выделяет эти две ситуации как «полную безэмоциональность», при которой «субъект сливается с серединой», и гармоничное эмоциональное состояние, при котором преобладают уже не эмоции, а «некие иные формы чувственных состояний». На наш взгляд, здесь идет речь о **«состоянии неустойчивого равновесия»**, о чем было сказано выше.

Если не забывать о непрерывно идущем в мире процессе преобразования информации через изменение структуры вещества или материи, то это вполне согласуется с реляционной парадигмой как в метафизике, так и в древнекитайской науке. И это подтверждается следующим фрагментом: «Итак, через число вещи оформляются и организуются. Число содержит в себе идею порядка, а не является просто результатом счета или измерения. Поэтому сами числа не равны между собой. Учитывая это, китайцы выделяли некоторые числовые константы и подразделяли числа по их онтологической и гносеологической значимости, по их месту в мировом универсуме» [3].

Сам В.Е. Еремеев предложил «учение о символах и числах» называть «арифмосемиотикой», посвятив его исследованию одноименную работу [4]. При этом он справедливо отмечает, что «вопрос о научности или ненаучности той или иной познавательной системы существенным образом определяется выбранной парадигмой» [1]. В этом его мнение совпадает с высказыва-

емым Ю.С. Владимировым мнением о метафизических парадигмах в своих книгах, посвященных метафизике [2; 7; 8]. Именно здесь подчеркивается прогрессивный характер реляционной парадигмы по сравнению с предыдущими парадигмами (геометрической и теоретико-полевой), реальность и значимость метафизического принципа процессуальности, высказанного в рамках реляционной парадигмы. В работе [7] говорится также о «процессуальности триединого Первоначала», о важной роли в христианстве догмата Святой Троицы, в котором проявляется «метафизический принцип триединства». Эти работы позволяют искать параллели в реляционном подходе в метафизике и в традиционной науке Китая.

Нельзя не сказать о тринитарности, что проходит связующей нитью в традиционной науке Китая. Этот основной принцип, конечно, подробно анализируется в книгах В.Е. Еремеева, на которые есть ссылки в данной статье. Но, как нам представляется, требует отдельного разговора, поскольку в большей степени характеризует китайскую философию как «нумерологию», о чем упоминается в книге Еремеева [1], где такая характеристика связывается с именем Дж. Нидэма, о чем было сказано выше. Поэтому, говоря о реляционном подходе в традиционной науке Китая, правомерно ли брать в качестве характеристики «тринитарность»? В этом смысле попытку китайских ученых структурировать мир или свое к нему отношение через триграммы можно характеризовать как стремление зафиксировать или отразить в своем представлении через логику и чувства постоянно идущий процесс преобразования мира, окружающей их среды, то есть самой разнообразной информации. Образно выражаясь, это – попытка остановить и осмыслить «мгновение», то есть некая противоположность той динамики, которая в целом, конечно, присуща традиционной науке Китая, но, как нам опять же представляется, требует отдельного разговора.

Именно на тринитарности в науке Китая строится и язык общения через соответствующие иероглифы, и все отношения: к миру, к прошлому, к будущему. Можно сказать, наверное, что это – попытка осмыслить сам путь Дао с позиции внутренней системы отсчета, если можно так выразиться с современных позиций. Ведь через свои триграммы, как это показывает Еремеев в своих книгах, в традиционной науке Китая выражают и мысли, и эмоции, и свою психологию. Причем главным, конечно, является то, что основание составляют три категории: Небо, Человек, Земля. В этой триаде крайние понятия являются как бы разновидностью пары *ян* и *инь*, а промежуточное понятие представляет собой «середину» (*чжун*), которая также является важной категорией арифмосемиотики. Человек рассматривается здесь не только как отдельный индивид, но и как всё человечество. Поэтому «не только занимает всё пространство между Небом и Землей, но и вбирает их в себя». Кроме того, в самом понятии Дао заключена особая динамика, поскольку Дао «не является вещью среди вещей и не противостоит вещам как их движение, оно является их сутью, тем, что делает их вещами». Такая

динамика является основой «целостного мира», законом этой динамики, фиксируется «в каждом моменте бытия».

В работе [10. С. 241] Еремеев выделяет еще один набор базовых понятий китайской философии: вещь или сущность, деятель или человек, слово или знак, отмечая, что «сопоставление древних и современных знаний», их переосмысление, помогают в решении проблем науки и философии, развитии новых идей. Но важнейшей категорией арифмосемиотики является категория изменчивости или перемен (*и*). Именно посредством этой категории описываются «чередования активного и пассивного начал – *инь* и *ян* – “двух образцов” (*лян и*)». Всё в мире можно рассматривать с этой позиции. Взаимосвязь и чередование противоположностей *инь* и *ян*, которые в своем единстве и составляют понятие «*дао*» (путь). Это иллюстрирует хорошо известная схема, представляющая собой круг, разделенный на две половины волнистой чертой. Силу *инь* обозначает черная половина, силу *ян* – белая, причем на черной половине круга есть белая точка, на белой – черная [1. С. 75].

В традиционной науке Китая, наряду с категориями “закон” (*дао*) и “перемены” (*и*), используется еще одна важная категория. Эта категория – *ци* (“пневма”, “эфир”), как некая «бескачественная непрерывная энергодинамическая субстанция, из которой состоит Вселенная».

Особую роль в китайской философии играют числа, которые, по мнению Еремеева, характеризуют стремление древних китайцев к «упорядочиванию своих знаний о мире». Причем в числе выражается не только «структурная целостность вещей», но «числа делают вещи познаваемыми». При этом «число находится в самих вещах, задавая их структуру, и во временных процессах, задавая их ритм», «предстает как некая творческая сила, приводящая к расчленению всякой непрерывности».

Для китайской традиции также характерно использование двух числовых комплексов – из 10 и 12 так называемых в китаеведении «циклических знаков» [1. С. 84]. Образ, который в совокупности образуют циклические знаки, представляет собой «дерево», растущее корнями вверх, а кроной вниз. Этот образ связан с представлениями китайских ученых о «живительной силе, распространяющейся с Неба (*тянь*), и о его управляющей роли и в движении времени, и в том, что происходит на Земле (*ди*)». Причем Небо, как «глобальное космическое проявление Великого предела», характеризовало в этой взаимосвязи то, как «“янское” начало развертывало во времени свое влияние на земные события, представляющие собой “иньские” проявления».

Однако наиважнейшими символами древнекитайской арифмосемиотики являются триграммы (*гуа*), изобретение которых китайская наука «приписывает легендарному первому правителю Поднебесной и мудрецу Фуси», считающему их «эффективным средством для классификации свойств всей “тьмы вещей”». В соответствии с этим представлением им были изобретены «восемь триграмм (*гуа*), показывающих сполна добродетели (*дэ*) просветленного духа и располагающих по родам свойства тьмы вещей» [1. С. 88].

Далее были созданы 64 символа, представляющих собой удвоенные триграммы (*чун гуа*), или гексаграммы, а также написаны афоризмы (“изречения” – *цы*) к гексаграммам. Именно таким образом, судя по исследованиям Еремеева, и возникла «одна из самых почитаемых книг в китайской культуре – “И цзин” («Книга перемен»).

Интересно, что теория построения символов *гуа*, как отмечает Еремеев, получила свое первое письменное выражение в комментариях к “И цзин” – “И чжуань” («Комментарии к Переменам»). Как отмечено в [1. С. 90], комментариев всего семь, но три из них имеют по две части, поэтому их называют еще “Ши и” («Десять крыльев»). Причем с философской и теоретической точки зрения наиболее ценными являются “Си цы чжуань” («Комментарий к присоединенным словам») и “Шо гуа чжуань” («Комментарий к толкованиям триграмм»). Порождение символики в “Си цы чжуани” описывается как «последовательное дихотомическое деление Великого предела – космической проявленной единичности». В этом процессе на первом этапе образуются «взаимодополнительные полярности – *инь* и *ян*». При переходе к их изображению «в качестве графических символов в китайской арифмосемiotике используются знаки “*и*” (“образы”) – соответственно прерывистая, или “сломанная” (*чжэ*), и сплошная, или “одинарная” (*дань*), черты (*яо*)». Далее эти символы также делятся на свои противоположности, поэтому получают уже «четыре принципа, которые символизируются знаками, составленными из черт, расположенных в разных сочетаниях друг под другом». Такие диграммы, как отмечает Еремеев, называются *сян* (“символы”), а «следующий шаг развертки приводит уже к образованию 8 знаков – *гуа*, составленных из комбинирующихся черт, находящихся в трех позициях». Если все рассмотренные символы представить на одной общей схеме, то эта схема и представляет собой «процесс развертки Великого предела (*Тай цзи*)».

Взаимоотношения символов «Книги перемен» выражаются также схемой, в которой «янские и иньские силы изображаются светлыми и темными полосами», а триграммы «покоятся на основании Великого предела, обозначаемом янской, светлой полосой». В древнекитайской науке «шестеричные символы – гексаграммы – занимали очень важное место, поскольку они составляют символическую основу “Канона перемен”. Всего таких символов 64, то есть полное число вариантов, получаемых при комбинировании двух типов черт в 6 позициях или при сочетании по две всех триграмм, составляющих верхние и нижние части гексаграмм». Причем «счет позиций в диграммах, триграммах и гексаграммах начинается снизу. Первая позиция, или черта (*яо*), называется “начальной” (*чу*), а последняя – “верхней” (*шан*)». Как отмечается в [1. С. 93], «позиции данных символов символизируют фазы развития любого целостного процесса, а прерванные или сплошные черты в них – характер этого развития», причем «Небо символизирует внешнее развитие процесса, характеризующееся как “отступающее, разрушающееся”».

Земля – внутреннее развитие процесса, характеризующееся как “наступающее, созидающееся”, а Человек – нечто среднее».

Здесь следует также упомянуть о резонансе. В гексаграммах «начальная, средняя и верхняя черты нижней триграммы связаны по принципу “резонанса” (*ин*) с начальной, средней и верхней чертами верхней триграммы». Таким образом, «резонансными чертами гексаграмм являются 1-я (начальная) и 4-я, 2-я и 5-я, 3-я и 6-я (верхняя). Средние черты в нижней и верхней триграммах внутри гексаграмм, то есть 2-я и 5-я черты гексаграмм, рассматривались еще связанными по принципу “срединности” (*чжун*). Если резонансные (срединные) черты являлись противоположными, то считалось, что они соответствуют друг другу».

Справедливо замечено также в исследованиях В.Е. Еремеева, что «символы “Книги перемен” отражают некоторые закономерности двоичного счисления». Как очевидно, «действительно, если, например, в триграммах, расположенных в порядке Фуси, обозначить прерывистую черту как “0”, а сплошную – как “1”, то окажется, что получившиеся трехразрядные двоичные символы будут соответствовать обратной последовательности чисел от 0 до 7» [1. С. 102].

4. О других параллелях

В своей работе [1. С. 42] В.Е. Еремеев очень точно обозначил процесс зарождения новой парадигмы: «В конце XX в. наметились тенденции к переосмыслению парадигмальных устоев современной науки (в частности, это было связано с развитием новых научных направлений, прежде всего синергетики). Поэтому, хотя делать какие-либо окончательные выводы было бы преждевременным, можно все-таки отметить, что отдельные аспекты традиционной китайской арифмосемиотики выглядят вполне способными войти в согласие с нарождающейся новой научной парадигмой». Именно новой парадигме, реляционной метафизической парадигме, посвящены работы Ю.С. Владимировой, изложенные в книгах по метафизике, о чем сказано выше.

В книгах Еремеева о традиционной науке Китая, мы находим созвучные идеи и пересечения, подтверждающие правильность наших представлений [5; 6; 9], пусть даже выраженных в других образах. То новое, что выходит за рамки общепринятых представлений, сконцентрировано в следующем фрагменте о процессе, который идет непрерывно в мире: «Процесс отражения динамики социальных процессов в прошлое, настоящее и будущее является определяющим в иерархии процессов преобразования ноосферы, влияя на ход исторического процесса. Такие противоположные понятия и чувства, как жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, – это как две стороны некоторой Ленты Мёбиуса. Пытаясь осмыслить процессы преобразования Ноосферы и рождения Сверхсознания Человечества или Живого Коллективного Разума, интуитивно в воображении возникает некий живой образ в виде Пространства Мебиуса, которое, являясь пространственным аналогом

Ленты Мебиуса, формируется в результате самоорганизации информационной среды ноосферы. Причем аттракторами в этом процессе всегда являются те элементы сознания, которые всегда были присущи лучшим умам человечества» [9].

Эти представления возникли после многократного обращения к трудам корифеев, достигших известности своими другими работами. А об этих их мыслях почему-то вспоминают нечасто. Вот, например, В.И. Вернадский пишет: «Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу – перерабатывается научной мыслью социального человечества... Необратимость эволюционного процесса является проявлением характерного отличия живого вещества в геологической истории планеты от ее косных естественных тел и процессов. Можно видеть, что она связана с особыми свойствами пространства, занятого телом живых организмов, с особой его геометрической структурой, как говорил П. Кюри, с особым состоянием пространства...» [11].

Э. Мах, в его работе «Познание и заблуждение», рассуждая о времени и пространстве, упоминая, что «время и пространство существуют в определенных отношениях физических объектов», отмечает тот факт, что «эти отношения не только вносятся нами, а существуют в связи и во взаимной зависимости». И на основании этого вывода делает предположение о том, «что мы сами, наше тело есть система физических объектов, своеобразные взаимоотношения которых проявляются и психофизиологически» [12].

Французский ученый и философ Пьер Тейяр де Шарден, который вместе с В.И. Вернадским считается одним из создателей теории ноосферы, высказывает созвучные мысли, в своем главном труде «Феномен человека»: «Вне всякого сомнения, материальная и духовная энергия *чем-то* связаны между собой и продолжают друг друга. В самой основе *каким-то образом* должна существовать и действовать в мире единая энергия. ...Обе энергии – физическая и психическая, – находящиеся соответственно на внешней и внутренней сторонах мира, выглядят в целом одинаково, они постоянно соединены и некоторым образом переходят одна в другую... Энергетическая зависимость между внутренним и внешним вещей неоспорима. Но, очевидно, она может выразиться только с помощью сложной символики, где должны фигурировать величины различных порядков» [13].

В 1975 году в № 2 журнала «Вопросы психологии» Б.Ф. Ломов опубликовал статью «О системном подходе в психологии». Обосновывая системный подход, он исходил из того, что психические явления включены во всеобщую взаимосвязь процессов материального мира и выражают уникальное единство всех живых организмов. Психическое выступает как отражение действительности и отношение к ней, как природное и социальное, как сознательное и бессознательное.

Станислав Гроф, американский психолог и психиатр чешского происхождения, доктор философии по медицине, один из основателей трансперсональной психологии пишет: «На переднем крае исследований челове-

ского сознания мы обнаруживаем, что наука совершила полный круг, придя почти к тому же видению жизни, которое описано мудрецами древних и восточных культур» [14]. И далее [14. С. 122–123]: «Современные исследования сознания открывают нам, что у нашей психики нет реальных и абсолютных границ; напротив, мы являемся частью бесконечного поля сознания, охватывающего все сущее – выходя за пределы пространства-времени и включая в себя реальности, которые нам пока еще только предстоит исследовать. Самые последние исследования показывают, что сознание и опыт человека опосредуются мозгом, однако они не зарождаются в нем и не являются абсолютно зависимыми от него. Сознание явно может делать то, на что не способны мозг и органы чувств».

Фритьоф Капра, американский физик австрийского происхождения, доктор философии (Альма-матер: Венский университет), исследуя параллели в физике, индийской и китайской философии в своей книге «Дао физики» пишет: «Китайцы, подобно индийцам, считали, что существует высшая реальность, лежащая в основе многообразия вещей и явлений, наблюдаемых нами, которая объединяет их... Есть три термина: «полное», «всеохватывающее», «целостное». Они отличаются друг от друга, однако та реальность, которую они стремятся описать, одна и та же, – Единственное». Они называли эту реальность Дао, что первоначально означало «Путь». Этот Путь всей Вселенной, порядок мироустройства» [15].

Все мысли в упоминаемых здесь работах ученых созвучны мыслям В.Е. Еремеева, высказанным, в частности, в одной из его работ: «Несомненно, в современной науке, философии и в некоторых из существующих ныне религиозных учений в той или иной форме проводятся идеи о единстве человека и мироздания. Но насколько эти идеи актуальны для отдельно взятого человека, для человечества в целом? Беспристрастный анализ, как представляется автору этих строк, может показать, что их значимость в жизни людей ничтожно мала и сами они не обладают всеохватывающей полнотой» [10].

Здесь мы берем на себя смелость не согласиться с выводом В.Е. Еремеева о том, что «значимость в жизни людей» этих идей «ничтожно мала». Микрокосм человека должен развиваться в гармонии с Макрокосмом Вселенной. Именно это имеет сейчас решающее значение, особенно в связи с преобладающим развитием цифрового мира, в конкуренции с которым может уступить человек, если не обратится к своим внутренним творческим возможностям.

Можно еще продолжать этот обзор работ известных ученых, в которых можно найти корреляции с рассматриваемой темой. В заключение этого подраздела обратимся к Александру Леонидовичу Чижевскому, которого считают одной из самых выдающихся фигур нашего времени, как его иногда называли, «Леонардо XX века». Как пишет о нем В.В. Казютинский, доктор философских наук в статье «Космизм А.Л. Чижевского» (URL: <http://lib.icr.su/node/1127>): «Крупный ученый, поэт, художник, безукориз-

ненный моральный авторитет, он был также глубоким мыслителем-космистом. Ему принадлежат многочисленные идеи мировоззренческого плана». А вот что завещал нам сам Чижевский в одной из своих работ: «Владения физики – вся Вселенная, вся целиком, а потому физика должна сказать свое слово при рассмотрении любого в мире вопроса. Она должна осветить лицо истории своими законами о веществе, связать человека с человеком, человечество с природою путем установления для органических существ законов, аналогичных законам неорганического мира... Современная точная наука мало-помалу уже вступает на этот путь, человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы» [16].

Обращаясь вновь к особенностям китайской традиционной науки, подробно изложенной в книге В.Е. Еремеева, находим в заключении следующую характеристику: «Однако в китайской науке имеются и такие идеи, которые, вероятно, европейцам еще только предстоит освоить. Многие из них относятся к синергетической парадигме, которая интенсивно развивается в современной науке. Другие таковы, что найти им аналога в современном знании пока не удастся. Традиционной китайской науке была свойственна особого рода экологичность, подразумевающая такую научно-техническую деятельность, в которой отсутствует насилие над природой и провозглашаются принципы помощи естеству показать себя на благо людям. Кроме того, китайская наука всегда была проникнута этической проблематикой и рассматривалась как способ самосовершенствования человека. А это как раз то, что недостает современной науке и в чем она, следует надеяться, скоро почувствует острую необходимость» [1. С. 311]. В более ранней своей работе В.Е. Еремеев подчеркивает: «Один из парадоксов нашего времени – времени практического освоения космического пространства – заключается в том, что современный человек не обладает космологическим сознанием, то есть сознанием своей глубинной связи со Вселенной, сопричастности проходящим на всех ее планах процессам» [10].

Удивительные факты возникновения триграмм и целого семантического кода китайской науки на их основе находят отклик в современных открытиях и осмыслениях метафизических основ бытия. Отклик находим также в исследованиях биологов. Так, В.С. Миловатский в своем трактате «Чудо и Тайна жизни (из записок биолога)» пишет о **«символической природе всякого живого»** следующим образом: «Именно она делает живое живым, и именно она полагает глубочайшую пропасть между живым и неживым. Ещё В.И. Вернадский утверждал, что живое в принципе несводимо (нередуцируемо) к мёртвой материи. Именно своим **символизмом биологический мир принципиально отличается от мира физического**. Собственно, его особость и состоит в том, что весь он держится в первую голову на **взаимосвязи символов**, на их первостепенности для феномена жизни, в то время как физический мир зиждется исключительно на физико-химических взаимодействиях».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еремеев В.Е.* Традиционная наука Китая. Краткая история и идеи: монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2011. – 553 с.
2. *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. – Кн. 3: Реляционные основания искомой парадигмы. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 248 с.
3. *Еремеев В.Е.* Символы и числа «Книги перемен». – М.: АСМ, 2002, илл. 173, табл. 133. 400 с.
4. *Еремеев В.Е.* Арифмосемиотика «Книги перемен». – М.: Компания «Спутник+», 2001. – 152 с.
5. *Волкова Л.П.* Об основаниях метафизики // *Метафизика*. – 2018. – № 1 (27). – С. 99–106.
6. *Волкова Л.П.* Метафизика социальных процессов // *Метафизика*. – 2017. – № 2 (24). – С. 28–41.
7. *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. – Кн. 1: От древности до XX века. – Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.
8. *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. – Кн. 2: Три дуалистические парадигмы XX века. – Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 256 с.
9. *Волкова Л.П.* Сохранение человеческого в человеке как основная мотивация в конвергенции физического и цифрового миров и модернизации России. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 616–621. Режим доступа: <https://www.academia.edu/36509309>; URL: http://inion.ru/site/assets/files/2443/rossiia_tendentsii_i_perspektivy_razvitiia_2018_13_1.pdf
10. *Еремеев В.Е.* Чертеж антропокосмоса. – 2-е изд., доп. – М.: АСМ, 1993. – 383 с.
11. Электронный архив В.И. Вернадского. – URL: <http://vernadsky.lib.ru>. Данное электронное издание книги В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» готовилось с конца 1999 г. по изданию: В.И. Вернадский, *Научная мысль как планетное явление* / отв. ред. А.Л. Яншин. – М.: Наука, 1991.
12. *Познание и заблуждение: очерки по психологии исследования* / Э. Мах. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
13. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
14. *Станислав Гроф.* Холотропное сознание. Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. 1992. – 136 с.
15. URL: http://modernlib.ru/books/kapra_fritof/dao_fiziki/
16. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. – Калуга, 1924.

**ON THE RELATIONAL APPROACH
IN TRADITIONAL SCIENCE OF CHINA**

L.P. Volkova

National University of Science and Technology “MISiS”

The article discusses the relationship of works V.E. Yeremeyev with metaphysical problems, both in science and in the development of human civilization. It emphasizes the significance of these works in understanding the traditional science of China, in assessing its main achieve-

ments. The special significance of the principle of trinitarianism is highlighted. Analyzed and compared with the ideas and conclusions of V.E. Eremeeva results of studies of these problems, primarily in the metaphysics of Yu.S. Vladimirov, as well as other scientists. Their consistency in the fundamental views on the positive direction of the evolutionary development of human civilization is noted. The connection of these ideas with the previously expressed metaphysical hypothesis of the transformation of the Noosphere into the Superconscious Space of Humanity is expressed.

Keywords: relational approach, process, trinitarianism, trigrams, metaphysics, process, paradigm, noosphere, information, traditional Chinese science, symbol, consciousness.